
ЖЕНА
ВЫБРАЛА ЕМУ
ЛЮБОВНИЦУ
18+
В. К. Косс

В.К. Косс
Жена выбрала ему любовницу

https://litres.ru/74702314
SelfPub; 2026

Аннотация

Его жена заплатила мне, чтобы он ее бросил.

Сама выбрала меня. Рассказала, что ему нравится. Устроила наши встречи. Ее план был прост: муж влюбится в другую и уйдет первым.

Я согласилась. Взяла деньги. А потом влюбилась в него сама.

Матвей считает, что мы встретились благодаря работе. Он не знает, кто на самом деле придумал наше сближение.

Только его жена передумала. Теперь она хочет вернуть мужа и предлагает мне деньги уже за то, чтобы я исчезла.

Я могу отказать ей. Но как сказать мужчине, которого люблю, что за первые шаги к нему мне заплатила его жена?

Содержание

Глава 1. Чужой замер 4
Глава 2. Ее предложение 13
Глава 3. Два назначения платежа 22
Глава 4. Не по подсказке 32
Глава 5. Третье место 40
Глава 6. Откуда ты знаешь 49
Глава 7. Благодарность за ужином 58
Глава 8. Смех на пробной рассадке 68
Конец ознакомительного фрагмента. 73

В.К. Косс
Жена выбрала ему любовницу

Глава 1. Чужой замер

Я успела решить, что мужчина на стремянке здесь главный, прежде чем он уронил мне под ноги карандаш.

— Подадите?

Я подняла карандаш и протянула ему. На конце был обкусанный ластик.

— Если вы сейчас что-нибудь отметите на этой стене, меня потом попросят повесить штору поверх вашей отметки.

Он посмотрел на стену, потом на карандаш.

— А если отметка хорошая?

— Особенно.

Мужчина спустился. Стремянка осталась посреди прохода, и я взялась отодвинуть ее к колонне. Он подхватил ее за верхнюю ступеньку и помог освободить место.

— Матвей.

— Ника. По текстилю.

— Я догадался.

У меня из сумки торчал метровый рулон образцов. Дога-

даться было несложно.

Помещение пахло свежей краской и чьим-то разогретым обедом. Вдоль кирпичной стены тянулась еще не законченная скамья, у окна стояли четыре разных стула. На одном лежала дрель, на другом — женская сумка. Из соседней комнаты доносился голос Инги:

— Значит, привозите в девять. Нет, девять вечера меня не устраивает. Давайте еще раз про утро.

Она появилась с телефоном у уха, кивнула мне и показала на стул у стола. Матвей забрал с него коробку саморезов.

— Садитесь. Здесь не шатается.

— Хорошая рекомендация для заведения.

— Одна из основных.

Я села и открыла блокнот. На первой странице сверху было написано: «Смена. Замеры. 14 апреля». Ниже начинался список того, что нельзя забыть спросить. У прежнего работодателя мне однажды сказали, что вопросы выдают неуверенность. После этого мы переделывали шесть окон за свой счет, и я решила позволить себе выглядеть неуверенной.

Инга закончила разговор.

— Простите. Поставщики считают, что новое помещение должно открываться само. Ника, кофе?

— Можно воды.

— Матвей, тебе без сахара?

— Да.

— Знакомьтесь нормально. Это мой муж. Он делает нам

всю мебель.

Я посмотрела на его левую руку. Кольцо было, просто я раньше не обратила внимания.

— Мы уже познакомились. Карандашом обменялись.

— Самый надежный способ, — сказала Инга и ушла за водой.

Матвей остался стоять возле скамьи. Темные волосы были коротко подстрижены, на висках начиналась седина. На серой футболке у плеча белела полоска пыли. На архитектора с картинки, которую присылают заказчики со словами «хочу так же, только дешевле», он похож не был. На человека, который потом объясняет, почему так же не получится, — вполне.

— Давайте начнем с посадки, — сказала я. — Высота окончательная?

— Здесь да. Мягкая часть добавит четыре сантиметра.

— Если четыре, люди с другой стороны стола будут сидеть ниже.

— Там стулья.

— Я вижу. Поэтому спрашиваю.

Он присел возле торца, положил ладонь на основание.

— На плане подушка три. Четыре — я с запасом сказал.

— У этого запаса есть привычка заканчиваться у меня в мастерской.

Я достала рулетку. Он придержал край, пока я проверяла расстояние до стола. Работать с человеком, который не от-

пускает рулетку в тот момент, когда ты наклоняешься записать число, было неожиданно приятно.

Инга вернулась с подносом и поставила воду рядом с моей папкой.

— Здесь будут лекции, семейные ужины, иногда небольшие выставки, — сказала она. — Не хочется ощущения конференц-зала. Люди должны захотеть задержаться.

— А кто будет все это стирать, когда задержатся с тортом? — спросила я.

— Администратор уже задала тот же вопрос.

— Значит, хороший администратор.

Инга улыбнулась и перелистнула мои образцы. Мы работали с ней два раза: я делала полотна для фотозоны и длинную скатерть, которую потом растянули на стол шире согласованного. Она тогда не спорила, оплатила вставку и больше не просила угадать размеры. За это я ее уважала.

Теперь она показывала на светлый плотный материал.

— Вот этот хочется на скамью.

— На выставочный образец можно. На место, где будут пить кофе, лучше соседний.

— Он грубее.

— У него после чистки останется тот же цвет.

Матвей подвинул стул и сел с другой стороны стола. Ножки тихо скрипнули.

— Съемный чехол?

— Обязательно.

— Я хотел закрыть снизу планкой. Тогда молнии не видно.

Он показал чертеж на телефоне. Сначала я увидела аккуратную линию, потом — винты.

— Чтобы снять чехол, придется разбирать всю секцию?

— Шесть винтов.

— В субботу, за сорок минут до гостей, после пролитого сока. Кто это будет делать?

— Позвонят мне.

— А вы будете в отпуске.

Инга подняла глаза от ткани.

Матвей чуть усмехнулся.

— Допустим.

— Или телефон разрядится. Или вы просто не захотите ехать через весь город из-за мокрой подушки. Давайте сделаем так, чтобы вам не звонили.

Он молчал несколько секунд. Я успела подумать, что сказала лишнее. Заказчица только что представила мужа, а я уже объясняла ему устройство жизни без него.

Матвей увеличил чертеж.

— Что предлагаете?

Я взяла карандаш, который Матвей положил возле моего блокнота, и нарисовала отдельную полосу крепления.

— Здесь оставить свободный край. Основание не трогаем. Человек снимает подушку, открывает чехол и несет его в чистку.

— Край будет уходить вверх.

— Если сделать вот так — нет.

— А когда растянется?

— Возьму другой материал для изнанки.

Он встал, подошел к коробкам и достал обрезок фанеры. Я расстегнула сумку, нашла кусок макетной ткани. Инга отодвинула поднос, и ее будущий стол для гостей на десять минут превратился в верстак.

Матвей держал фанеру, я натягивала ткань. Первый вариант действительно завернулся. Я сняла временное крепление и изменила ширину.

— Вы могли бы сказать «ничего не будет видно», — заметил он.

— И увидеть это первой, когда уже все пришито.

Он повернул образец и провел пальцем по краю.

— Теперь нормально.

— Теперь можно проверить еще раз.

Инга сделала фотографию.

— Вот так и делаем. Мне нравится, когда вы оба говорите, что нормально.

— Мы пока не оба, — сказал Матвей. — Ника требует повторного испытания.

Я дернула ткань. Ничего не подвернулось.

— Теперь оба.

Мы переглянулись, и я впервые заметила, что у него серые глаза. До этого он состоял преимущественно из рук, рулетки

и возражений.

Дальше пошли окна. Инга хотела, чтобы вечером свет не превращал людей в аквариумных рыб, днем оставалось достаточно света, а ткань при этом красиво лежала на фотографиях. Я записывала, измеряла и иногда спрашивала, какое из трех пожеланий важнее. Матвей переносил стремянку и не предлагал мне залезть в туфлях на подоконник.

Около двери нашелся участок стены, на котором ничего нельзя было закрепить без предварительной проверки. Я обвела его на плане. Раньше в фирме такие места любили обозначать словами «уточним на монтаже». Теперь слово «уточним» означало мои деньги, и писать его хотелось реже.

— Смета когда? — спросила Инга.

— Завтра к обеду. Окончательная после согласования материалов.

— Мне бы сегодня понимать порядок цен.

Я назвала примерную сумму. Она не скривилась, но перестала листать образцы.

— Разделим на этапы?

— Да. Закупка, готовые изделия, окончательная сдача.

— Хорошо. Пришлите все письмом.

Ни «дорого за шторы», ни «у нас перспектива дальнейшего сотрудничества». Я закрыла папку с таким облегчением, что даже не стала скрывать.

Матвей помог свернуть рулон.

— Карандаш пока оставьте себе.

— А вы чем будете портить стены?

— Найду. У меня большой запас.

Он сказал это совершенно серьезно, и мне пришлось отвернуться к сумке, чтобы не улыбаться человеку, который только что едва не устроил мне шесть лишних винтов в каждом чехле.

На лестнице я проверила телефон. От хозяйки мастерской было напоминание об аренде. От постоянного клиента — длинное сообщение, начинавшееся со слов «Ника, нам очень жаль».

Я не открыла его до улицы.

Заказ на двадцать комплектов отменяли. Обещали вернуться летом, когда станет понятнее с бюджетом. Внизу стоял смайлик со сложенными ладонями. Я некоторое время смотрела на него, как будто он мог превратиться в оплаченный счет.

В мастерской Ася резала картон. Она работала у окна, направив лампу на разметку, и выглядела человеком, который знает, чем займется завтра. Я поставила сумку на свой стол и сняла пальто.

— Ну? — спросила она.

— Помещение хорошее.

— Я про заказ.

— Кажется, договоримся.

— Уже лучше. Чай будешь?

Я кивнула, достала образцы и стала раскладывать по цве-

там. Сначала серые, потом теплые светлые. Ася ждала у чайника.

— Что еще?

Я показала сообщение.

Она прочитала, выдохнула и молча убрала с моего стола старую чашку. За год общей аренды мы обе научились замечать моменты, когда человеку не нужен немедленный совет.

Я села считать. Даже если «Смена» подтвердит работу, первый платеж уйдет на материалы. Из этих денег нельзя было взять аренду, а потом надеяться, что ткань как-нибудь купится сама. После отмены двадцати комплектов в ближайшем месяце оставалась дыра, которую я видела без калькулятора, но почему-то все равно пересчитывала.

Телефон зазвонил, когда я дошла до третьего варианта расходов.

Инга.

— Ника, не отвлекаю?

— Могу говорить.

— Завтра найдете полчаса? Лучше не на площадке.

Я посмотрела на разложенные образцы.

— Обсудить смету?

— Смету тоже. Но у меня есть еще предложение.

Она сделала паузу. Я услышала, как где-то рядом с ней открылась дверь, и потом голос стал тише.

— Оно касается Матвея.

Глава 2. Ее предложение

Инга выбрала столик, от которого были видны обе двери. Пока я снимала пальто, она передвинула к себе сахарницу и положила на ее место телефон.

— Здесь тихо до часу, — сказала она. — Потом приходят из соседнего офиса.

Я села напротив и достала смету. За ночь из нее исчезла одна строчка и появились две новые. От утепленной подкладки на входной шторе я отказалась, зато добавила обработку креплений. Если посмотреть на итоговую сумму достаточно долго, она уже не казалась страшной. Я смотрела с половины восьмого.

— Сразу скажу: ткань сейчас можно зарезервировать, но потом оттенок придется проверять заново.

— Зарезервируем, — сказала Инга. — Я все посмотрела. В целом устраивает.

Слова «в целом» иногда обходились дороже самой ткани.

— А что не в целом?

— Срок второй оплаты. Давайте привяжем к готовому первому блоку, а окончательную — к приемке. Можно?

Можно было. Я сделала отметку. Инга не торговалась, и мне хотелось наконец выпить кофе, который я заказала еще у стойки. Но она держала чашку двумя руками и почему-то не пила.

— Теперь про другое.

Я положила ручку.

— У Матвея проблемы с проектом?

— У нас с Матвеем проблемы.

За стеклом прошла женщина с мальчиком, который пытался наступать только на темные плитки. Женщина остановилась, подождала, пока он дойдет до нее своим путем. Я успела посмотреть весь этот небольшой спектакль, прежде чем снова повернулась к Инге.

Мы не были подругами. Я знала, какой шрифт она считает слишком праздничным и как быстро оплачивает срочную переделку. О ее браке знала со вчерашнего дня. Это была очень короткая подготовка к разговору, который начинался таким образом.

— Мне жаль.

— Подождите. Я не жаловаться позвала.

Она отпустила чашку, выровняла ложку на блюдце.

— Я хочу с ним разойтись.

Я осторожно кивнула. Под этим столом у меня стояла сумка с образцами. В ней было чем подтвердить мое присутствие на деловой встрече, и ничего, что могло бы помочь с разводом.

— Мы одиннадцать лет женаты. Не подумайте, я не после вчерашней ссоры. Это давно.

— Вы хотите, чтобы я иначе построила работу? Без совместных встреч?

— Наоборот.

Я посмотрела на нее внимательнее.

Инга была старше меня на несколько лет и обладала редким умением выглядеть собранной даже с бумажным стаканом в руке. Сегодня на ней был темно-синий жакет, короткие волосы она заправила за одно ухо. На лацкане осталась крошечная белая нитка. Я заметила ее и тут же разозлилась на себя за то, что продолжаю замечать рабочие мелочи.

— Вчера вы хорошо разговаривали, — сказала она. — Ему было интересно.

— Мы обсуждали скамью.

— Он и про скамью обычно умеет так поговорить, что все расходятся заниматься своими делами. Вы остались спорить.

— Потому что иначе мне пришлось бы потом снимать чехлы отверткой.

— Я понимаю.

Судя по ее лицу, мы говорили о разном.

— Ника, вы сейчас с кем-то встречаетесь?

Я откинулась на спинку стула.

— Это имеет отношение к заказу?

— Нет. И вы можете не отвечать.

— Тогда не буду.

Инга приняла это кивком. Помолчала, словно меняла порядок заранее приготовленных вопросов.

— Он вам понравился?

Я потянулась к кофе, чтобы дать себе несколько секунд.

Кофе остыл и оказался крепче, чем я ожидала.

— Мне было удобно с ним работать.

— Я видела.

— Что именно вы предлагаете?

Инга посмотрела прямо на меня.

— Попробуйте с ним сблизиться.

Я поставила чашку мимо блюдца. Получился короткий сухой стук.

— Простите?

— Познакомиться ближе. Не только по работе. Вам не придется изображать заинтересованность, если ее совсем нет. Я думаю, она есть. И у него тоже.

На соседний стол принесли два завтрака. Официант спросил, кому сырники. Один из посетителей поднял руку. Все происходило так обыкновенно, что я на мгновение решила, будто ослышалась.

— Вы предлагаете мне встречаться с вашим мужем?

— Я предлагаю дать ему возможность.

— Возможность чего?

— Влюбиться. В другого человека. Увидеть, что он может жить по-другому.

Я взяла со стола смету, потом зачем-то положила обратно.

— А вы не можете просто сказать ему, что хотите разойтись?

— Мы уже обсуждали расставание.

— И?

— Мы до сих пор в одной квартире.

— Это не ответ.

Инга чуть отодвинула телефон, который лежал между нами, хотя экран так и оставался темным.

— Четыре года назад у меня сорвался большой заказ. По моей вине. Я решила, что успею, не проверила одну вещь и подписалась на сроки, которые не могла выполнить. Людям уже обещали оплату. Сотрудникам, подрядчикам. Матвей помог.

Я молчала.

— У него были накопления. Он собирался покупать помещение. Устал от аренды, от переездов, от чужих правил. Долго на это работал. А потом сказал: сначала разберемся с твоим.

Она произнесла последнюю фразу без тепла, и от этого в ней вдруг стало слышно больше, чем от подробной жалобы.

— Он вам напоминает об этом?

— Не так, как вы подумали.

— Как?

— Говорит, что мы справились. Что мы умеем справляться. Когда я говорю, что мне тяжело, предлагает что-нибудь убрать, купить, починить. Я понимаю, что он не виноват. Просто я больше не хочу просыпаться рядом с ним.

У меня чесалась ладонь от высохшего накануне клея. Я потерла ее о край салфетки и заметила этот жест слишком поздно. Инга смотрела на мои руки.

— Я не могу сказать ему: спасибо за все, а теперь мне больше не нужно, — добавила она.

— Но ведь вы сейчас именно это и хотите сказать.

Она приоткрыла рот, закрыла. На секунду ее собранность пропала.

— Я хочу, чтобы он был счастлив.

— Может быть, ему сначала будет плохо. А потом он сам что-нибудь решит.

— Вы его не знаете.

— Именно. Вы знаете одиннадцать лет. Почему тогда хотите поручить это мне?

Инга опустила взгляд на смету.

— Потому что я вижу, как вы разговариваете. Вы не заискиваете перед ним. Не ждете, что он все решит. Вчера он предложил вам помощь, вы сказали, в чем она нужна. Это было очень просто.

— Вы и раньше так разговаривали с ним?

Она посмотрела на меня уже без той деловой мягкости, с которой начинала разговор.

— Раньше — да.

От этого ответа мне стало неловко. Я бы предпочла, чтобы она сказала что-нибудь возмутительное. Тогда можно было бы встать и уйти с хорошим ощущением собственной правоты.

Вместо этого передо мной сидела женщина, которой было стыдно хотеть того, чего она хотела, и предлагала мне помочь

с этим стыдом очень странным способом.

— А если я ему не понравлюсь?

— Значит, не понравитесь.

— Если он мне?

— Тогда тоже ничего не будет.

— Вы так спокойно говорите «ничего». Мы же не выбираем стулья.

— Я знаю.

Но отказываться от своей идеи она не собиралась.

Я спросила, есть ли у них дети. Она ответила, что нет и что это было обоюдное решение. Спросила, знает ли Матвей о том, что она ищет ему другую женщину. Инга покачала головой.

— Если он узнает, это все испортит.

— Что именно?

— Саму возможность познакомиться без чувства вины.

Инга явно обдумала все это заранее. Предусмотрела мой отказ, неудачное знакомство, время на раздумья. Только я так и не услышала, собирается ли она спросить Матвея, нужно ли ему все это.

— Нет, — сказала я.

Инга не сразу ответила.

— Я не прошу вас делать что-то, чего вы сами не захотите.

— Тогда я сейчас не хочу.

Я подвинула ей смету.

— Вот работа, которую я умею делать. Здесь все понятно.

Материалы, сроки, оплата.

— За это предложение тоже будет оплата.

Я убрала руку с бумаги.

— Какая?

Вопрос выскочил раньше, чем я успела решить, что не стану его задавать.

Инга это заметила. Ничего не сказала, просто назвала сумму.

— Шестьдесят тысяч. Тридцать сразу. Остальное, если вы действительно захотите встретиться вдвоем. Не на монтаже. По взаимному желанию.

В голове у меня мгновенно выстроились две колонки. В одной была аренда мастерской. В другой — то, что осталось после отмены заказа. Я не собиралась считать, но посчитала все равно.

— За то, что я попью с ним кофе?

— За ваше время. И за неудобство.

— Это очень мягкое слово.

Инга выдержала мой взгляд.

— Другого у меня пока нет.

Я положила блокнот в сумку. Смету оставила на столе.

— Давайте на этом закончим.

Она больше не уговаривала. Сказала, что профессиональная работа остается в силе, если я сама не передумала. Я ответила, что пришлю уточненную версию к вечеру.

На улице я остановилась у витрины и стала искать ключи,

хотя до мастерской было еще идти. Они нашлись в том же кармане, где лежали всегда.

Инга написала через десять минут: «Простите за неудобный разговор. Если решите отказаться от нашего проекта, я пойму».

Я ответила: «По проекту работаем».

В мастерской пахло картоном и апельсином. Ася чистила его над ведром, раскладывая кожуру одной длинной спиралью.

— Как договорились?

— Сумму согласовали. Почти.

— Почему у тебя такое лицо, будто она попросила сшить потолок?

Я повесила пальто.

— Ничего. Разговор странный получился.

— Странный оплаченный или странный бесплатный?

Я посмотрела на нее.

Ася протянула мне половину апельсина.

— Ладно, не рассказывай пока.

Я села за стол, открыла таблицу расходов и убрала из нее отмененный заказ. Остаток пересчитался сам.

Потом я закрыла таблицу. Открыла снова.

Мне хотелось считать, что я весь день думаю о том, как помочь двум несчастливым людям расстаться. Но начинала я каждый раз с одной и той же цифры.

Глава 3. Два назначения платежа

Утром Ася пришла с бумажным пакетом и объявила, что принесла нам будущее.

Будущее оказалось двумя булочками, бананом и номером телефона на кассовом чеке.

— Что за человек?

— Лена. Работает у тех, кто оформляет выездные мероприятия. Им на полтора месяца нужен толковый человек. Не начальник всего на свете, но деньги нормальные.

Я взяла чек.

— Ты с ней обо мне говорила?

— Сказала, что знаю дизайнера, который умеет отличать обещание от готовой вещи. Ты не обязана звонить.

— Я не просила искать мне работу.

Ася перестала разворачивать свою булочку.

— Знаю. Я и не нашла тебе работу. Дала номер.

На чеке под телефоном была записана цена кофе. Последняя цифра размазалась. Я потерла ее большим пальцем и положила чек возле клавиатуры.

— У меня «Смена».

— Которая откроется в июне. А аренда у нас в апреле.

— Я помню.

— Поэтому я и принесла номер.

В этом разговоре у нее не было ни одной неправильной

фразы. Я от этого раздражалась сильнее. Если бы она сказала «ну что ты как маленькая», можно было бы обидеться по делу. Но Ася всего лишь разрезала банан на двоих и предложила мне пережить несколько недель без катастрофы.

Я взяла телефон и открыла окно набора номера. Представила, как звоню, объясняю опыт, спрашиваю про оплату. Как мне говорят, когда приезжать и что именно я буду делать. Как снова на вопрос заказчика об авторе решения кивают в сторону другого человека.

У Лены все могло быть совсем иначе. Я ее даже не знала. Однако этого удобного незнания хватило, чтобы не набирать номер.

— Я сначала договор подпишу, — сказала я.

Ася кивнула и занялась картоном.

До встречи в агентстве оставалось два часа. За это время я подготовила список материалов, два раза проверила счет и ответила клиенту, отменившему двадцать комплектов. Написала, что буду рада вернуться к обсуждению летом. Поставила точку. Смайлик не поставила.

Потом открыла переписку с Ингой.

«Вчерашнее предложение еще в силе?»

Я смотрела на эти пять слов, пока экран не потускнел. Вернула яркость прикосновением и отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Да. Обсудим после документов».

Ничего не изменилось вокруг. Ася включила чайник.

Внизу кто-то привез коробки и ругался на сломанный доводчик. Я все еще могла написать: «Не надо. Я передумала». Вместо этого убрала телефон под папку и пошла искать одежную щетку. На черном рукаве сидела белая нитка, которую я видела теперь слишком хорошо.

В офисе агентства за двумя столами работали девушки. Одна держала телефон плечом и одновременно подписывала конверты. Другая выбирала фотографии на экране. На стене висели планы нескольких мероприятий, и только один из них относился к «Смене».

Инга встретила меня у двери.

— Пройдем в переговорную? Через пять минут ко мне придут, но договор успеем подписать.

Мы сели за маленький стол. Она положила передо мной два экземпляра и провела пальцем по разделу об оплате.

— Сто восемьдесят. Как в смете. Три раза по шестьдесят. Первый сегодня, второй после готового блока, третий после приемки всего текстиля.

Я читала внимательно. В отдельную строчку были вынесены материалы, в другую — изготовление и монтаж. Я внесла правку в количество чехлов. Инга исправила экземпляры и поставила подпись возле изменения.

Сейчас происходило именно то, ради чего я год назад снимала мастерскую. У меня была собственная цена, собственная задача, и человек напротив принимал мои условия. Следовало бы обрадоваться.

— Счет правильный? — спросила Инга.

Я сверила последние цифры.

— Да.

Она отправила письмо бухгалтеру и развернула ко мне экран, чтобы я видела вложение.

— По рабочему вопросу все. Спасибо, что беретесь. Мне очень нравится ваш подход.

Я могла бы на этом встать и уйти. Работу я получила. Ни с чем не осталась бы.

За стеной девушка кому-то объясняла, что одинаковых воздушных шаров из разных партий может не оказаться. Я слушала ее голос, пока Инга складывала бумаги.

— Я не хочу, чтобы одно зависело от другого, — сказала я.

Она перестала двигать папку.

— Не зависит. Мы вчера это обсудили.

— Тогда еще раз. Даже если я сейчас передумаю, текстиль остается моей работой.

— Конечно.

— И Матвей не должен участвовать в моей оплате.

— Он не участвует. У него своя смета и свой заказ. Ника, я не собираюсь делать вам неприятности.

От того, как спокойно она это произнесла, я почувствовала себя подозрительной и мелочной. Почти извинилась. Потом посмотрела на подписанные экземпляры и оставила извинение при себе.

— Хорошо. Теперь про личное. Я не обещаю, что он за-

хочет со мной встречаться.

— Я понимаю.

— И что я захочу — тоже.

Инга чуть улыбнулась.

— Это я особенно понимаю.

— Не надо сейчас так говорить, будто мы уже все решили.

Улыбка пропала.

Она придвинула к себе блокнот, но я покачала головой. Мне стало неприятно представлять, как рядом с доставкой стульев и заказом закусок появится еще один пункт.

— Никаких фотографий, — сказала я. — Никаких доказательств для кого бы то ни было. Я не буду специально заставлять вас ревновать и не буду делать вид, что мне нужна помощь, если она не нужна.

— Я вас о таком не просила.

— Я заранее говорю.

— Хорошо.

— Он может отказаться. Сразу. После первого разговора. В любой момент.

— Тогда на этом закончим.

Мне хотелось, чтобы она хоть раз ответила не так быстро. Чтобы у нее возникло сомнение, которое можно было бы разделить. Но Инга сидела передо мной с видом человека, который уже перебрал все варианты и наконец нашел самый бережный.

— И еще. Если он спросит, вы ли меня попросили, я ска-

жу.

Она подняла глаза.

— Прямо спросит?

— Да. Прямо.

На этот раз ответ занял несколько секунд.

— Думаю, не спросит.

— Я не про то, спросит ли.

— Поняла.

Я ждала. Инга закрыла блокнот.

— Хорошо. Если спросит, скажете. Мне кажется, мы слишком все усложняем.

Я посмотрела на закрытую обложку. Еще вчера то же самое предложение вызывало у меня желание уйти. Сейчас мы обсуждали границы, и от этого оно начинало выглядеть почти прилично. Чем подробнее я объясняла, чего не стану делать, тем легче было забыть, на что уже соглашалась.

— Сумма прежняя? — спросила я.

— Шестьдесят. Половина сейчас, половина после вашего первого настоящего свидания. Если вы оба захотите. О встрече я могу узнать от вас, мне не нужны отчеты.

— Мне это слово тоже не нравится.

Инга не стала уточнять какое.

— Я перечислю на карту. Можно по номеру?

Я назвала свой номер, хотя он у нее был. Проверила имя на экране. Когда она нажала кнопку, мне захотелось остановить ее руку. Не потому, что я уже передумала. Потому,

что после уведомления гораздо труднее будет считать все это разговором.

Телефон коротко завибрировал у меня в сумке.

Инга убрала свой.

— Вы можете восемнадцатого поехать с ним за фурнитурой? Вам же все равно надо согласовать крепления.

— Мне нужно смотреть ткань, — сказала я. — За фурнитуру отвечает он.

— Тогда сначала к нему в мастерскую. Пусть покажет образцы. Дальше решите.

Она уже переходила к следующему шагу, а я все еще слышала короткую вибрацию телефона.

В дверь постучали. Пришла девушка с длинной папкой.

— Инга, там по рассадке нужно сейчас. И водитель спрашивает, где разгружаться.

— В дальние ворота. Я отмечала на схеме.

— Он говорит, ему все равно, какие отмечены, там машина стоит.

Инга на секунду закрыла глаза.

— Пусть не перекрывает проезд. Сейчас подойду.

Она повернулась ко мне.

— Простите. Можно я напишу остальное?

Я кивнула, взяла договор и встала. Она проводила меня до двери, сказала сотруднице, что поговорит с водителем сама, и пожелала мне хорошего дня. Я поблагодарила. Все складывалось удачно, но радоваться пока не получалось.

На лестнице пришло второе уведомление. Шестьдесят тысяч по рабочему счету. Я открыла приложение и увидела две суммы, пришедшие почти рядом.

У одной было назначение: аванс за изготовление текстильных изделий.

Другая просто появилась у меня на карте.

Я долго смотрела на первую, потом закрыла экран.

По дороге в мастерскую зашла в магазин за нормальным обедом. Купила суп в контейнере, хлеб и пачку кофе. До этого три дня говорила себе, что остатки дома тоже еда. На кассе отнесла кофе обратно, потом разозлилась на собственный спектакль и вернула в корзину.

Ася встретила меня вопросом про договор.

— Подписали. Деньги пришли.

— Отлично. Можно вечером нормально поужинать.

— Я суп принесла.

— Еще лучше. Полчаса не буду слушать твою машинку и замечу, что мы люди.

Я заплатила свою долю аренды. В поле сообщения владельцу помещения написала: «За апрель, Ника». Ничего необычного. Так же писала месяц назад, два месяца назад. Теперь у меня не было просрочки, и никто не собирался выставлять наши столы в коридор.

Номер Лены лежал возле клавиатуры. Я сложила чек пополам и убрала в ящик. Он не исчез, работа оставалась возможной. Я просто больше не собиралась звонить.

После обеда Инга прислала адрес мебельной мастерской и время. Следом пришло еще несколько сообщений.

«Кофе без сахара. Любит старую фантастику, хотя ругается на нее. Когда интересно, начинает задавать много вопросов. Не любит, когда его хвалят просто так».

Я представила, как на том конце она выбирает, что еще добавить. Одиннадцать лет совместной жизни не могли уместиться в четыре строчки. Наверняка были и другие подробности — как он переставляет чашку, с какой стороны спит, что говорит, когда сердится. Мне стало не по себе от мысли, что я могу сейчас получить и это.

«Личного больше не надо», — написала я.

Инга ответила: «Конечно».

Я положила телефон экраном вниз. Взяла бумажную ленту, записала размеры первого окна, отрезала нужный кусок макетного материала. Работа помогала, пока не требовалось остановиться.

Ася подошла забрать ножницы.

— Все нормально?

— Да.

Она посмотрела на мою разметку.

— У тебя здесь два раза сорок шесть.

Я проверила. Одно из чисел должно было быть шестьдесят четыре.

— Спасибо.

Ася забрала ножницы и вернулась к себе. Я зачеркнула

ошибку, написала верно. Потом сняла с манжеты булавку и воткнула ее в подушечку.

К вечеру Инга написала, что сообщила Матвею о рабочей встрече. Он спросил, какой образец подготовить для проверки, и попросил передать, чтобы я взяла ту самую изнаночную ткань.

Ту самую.

Я помнила его руки на пробном углу и то, как он молча ждал, пока я переставлю крепление. Мне не нужно было придумывать все заново. Именно это делало договоренность удобнее — и хуже.

Я ответила, что возьму.

Глава 4. Не по подсказке

На воротах мастерской висела табличка с телефоном. Под ней кто-то приклеил лист: «Если закрыто, позвоните. Если не открыли, еще раз не надо».

Я прочла его дважды и нажала кнопку звонка.

Матвей открыл почти сразу.

— Не испугались?

— Я решила, что у вас просто честная реклама.

— Вадим написал. После третьего воскресенья подряд, когда люди приезжали за своими стульями без предупреждения.

Внутри было светло и прохладно. Вдоль стены стояли мебельные щиты, на полках лежали короткие бруски с наклеенными бумажками. Сами полки кто-то пронумеровал крупным маркером. На рабочем столе возле окна стояла чашка, которую я бы побоялась взять чистой рукой.

— Кофе? — спросил Матвей.

— Не сейчас, спасибо.

Я развернула макетный кусок. Он расстелил на столе чистый лист бумаги, хотя мог бы просто смахнуть стружку.

Нам предстояло проверить крепление на настоящем основании. Я думала, что заготовка будет маленькая, размером с коробку. Матвей сделал целую секцию.

— Так понятнее, — объяснил он. — Если неудобно сни-

мать, сразу увидим.

Я провела ладонью по округленному краю. Он не был еще покрыт составом, дерево оставалось светлым и теплым на вид.

— Вы из-за этого сегодня приехали?

— У нас несколько доставок. Все равно был бы здесь.

Я разложила ленты и булавки. С утра специально оделась так, чтобы не пришлось думать, как выгляжу на корточках возле мебели. В результате все равно думала, потому что Инга вчера прислала еще одно сообщение: «Не старайтесь слишком. С вами и так интересно».

Совет был хуже любой инструкции. После него я придавала значение даже тому, в какую сторону убрала волосы.

Матвей показал подготовленное основание, и я наконец переключилась на вещь, которая не оценивала мою естественность. Край держался, но в углу образовывался залом. Я передвинула полосу.

— Здесь нужно еще полтора сантиметра.

— На общем размере скажется?

— Нет. На количестве моих хороших мыслей о вас — да.

— Тогда добавим два.

Я рассмеялась. Он посмотрел и тоже улыбнулся, а я немедленно вспомнила, зачем приехала, хотя могла бы с полным основанием ответить: работать.

Из соседней комнаты вышел мужчина в темном фартуке, держа телефон у уха. Он показал Матвею два пальца, до-

ждался кивка и убрал телефон.

— Через два часа приедут. А тут что решили?

Он наклонился над нашей секцией.

— Не проще закрыть наглухо? Снизу никто не увидит.

— Снимать будет неудобно, — сказал Матвей.

— Ну съемное сделать, но без этой возни. Нике же тоже времени меньше.

Я вдохнула, собираясь объяснить, почему «времени меньше» иногда означает «переделывать дольше», однако Матвей ответил раньше.

— Мы проверили, как чехол снимается. Все удобно. Делай по последнему чертежу.

— Там по часу на каждую секцию сверху.

— Значит, час. В смете есть.

Мужчина пожал плечами и ушел. Час в смете нашелся, и объясняться мне не пришлось.

Я занялась углом с большим усердием, чем требовалось.

— Вы не обязаны были спорить за меня, — сказала я.

— А мы спорили?

Он действительно не понял сразу.

— Я про час на секцию.

— Мы с вами его выбрали. Почему теперь выбрасывать?

Я кивнула. Объяснить разницу между этим ответом и теми, к которым привыкла, не удалось бы коротко. Да и рассказывать сейчас о прежних обидах не хотелось.

Когда образец наконец снялся без усилий, я села на ска-

мью. Матвей чуть покачал ее за спинку.

— Проверяете, не развалится ли от дизайнера?

— Привычка. В кафе иногда неловко получается.

— Вы там тоже качаете мебель?

— Сажусь, чувствую, что не так. А потом полвечера думаю, чем подложить.

— Это опасно. Можно пропустить все свидание.

Я сказала и тут же поняла, что сказала. Матвей посмотрел на меня, но не стал переводить разговор туда, где я только что оставила открытый вход.

— Можно заказать еще кофе. Подложить чек.

— Временно.

— Многие вещи начинались как временные.

Мы еще раз сняли чехол. Я записала размеры, он сфотографировал угол. До магазина фурнитуры решили доехать вместе: я хотела сразу сравнить крепления с тканью.

В универсале на заднем сиденье лежали велосипедный насос и свернутая куртка. Матвей переложил их в багажник, освободив место для моего рулона.

— На вас не слетит. Там крепление.

— Вы всегда заранее сообщаете, что ничего не сломается?

— Людям легче.

Он выехал со двора. Я смотрела на дома и выбирала, с чего начать разговор, который не должен был выглядеть выбранным. По радио кто-то перечислял дорожные работы. Водитель впереди пытался перестроиться, не включая поворот-

ник, и Матвей молча его пропустил.

— Вы любите фантастику? — спросила я.

Он покосился на меня.

— Некоторые фильмы.

— Мне недавно попался один. Где корабль возвращается, а дома уже прошло много лет.

— Таких много.

Конечно. Я успела посмотреть меньше половины того, который нашла после Ингиного сообщения.

— Там в начале еще все очень долго объясняют устройство двигателя.

— Это тоже не помогло.

— А потом они вообще забывают, что у них кончается топливо.

Матвей улыбнулся.

— Вы сейчас можете описывать мой обычный вторник.

Я прижала сумку к коленям.

— Я выключила. Не досмотрела.

— Тогда зачем спрашивали?

Очень хороший вопрос. На секунду я представила, как отвечаю: ваша жена считает, что разговор о кино поможет вам влюбиться. Но до этого места мы еще не дошли. Я спросила его о фильмах, он спросил меня о разговоре. Это было не то условие, которое я поставила в кабинете Инги.

— Мне стало интересно, за что вообще такое можно любить.

— За момент, когда они наконец перестают объяснять двигатель.

Я засмеялась. Он не обиделся на мое мнение и не попытался переубедить. Только попросил прислать название: хотел проверить, на какой минуте от него ушел последний терпеливый зритель.

— То есть вам самому может не понравиться?

— Конечно.

— А я думала, тут нужно защищать весь жанр.

— У меня нет полномочий.

В магазине нас встретил молодой продавец с бейджем, на котором имя было напечатано слишком мелко. Матвей назвал заказ, и парень ушел к дальним полкам. Я ходила вдоль стендов и подбирала крепления по цвету. При дневном свете серый уезжал в зеленый, под лампой — обратно. Матвей терпеливо переносил два образца из одного конца зала в другой.

— У меня плохие новости, — сказала я. — Ни один.

— Сначала были оба.

— Сначала вы не отнесли их к окну.

— Значит, ошибка моя.

Продавец вернулся с коробкой, услышал конец разговора и предложил третий вариант. Он оказался подходящим. Я поблагодарила его так горячо, что он еще несколько минут ходил за нами, придумывая, чем помочь.

На кассе Матвею позвонила Инга.

Он ответил сразу. Я слышала только его половину разго-

вора: да, подошло; нет, не надо ехать; он посмотрит вечером. Потом он выслушал что-то еще и сказал:

— Ты сама чего хочешь?

После паузы добавил:

— Я про субботу. Если устала, отменим.

Я отступила к стенду с ручками, хотя видеть его было все равно легко. Он держал коробку под мышкой и терпеливо ждал ответа. На пальце блеснуло кольцо.

Моя аккуратно выстроенная версия на секунду покачнулась. Люди, которые живут как соседи, тоже могут обсуждать выходные. Даже спрашивать друг друга, чего хочется. Я повторила это про себя и вернулась к коробке с нашими покупками.

По дороге обратно он спросил, сколько времени займет изготовление.

Я рассказала о порядке работы и о том, что ткань придется забрать самой: доставку в нужный день не обещают. Он предложил помочь, но я сказала, что справлюсь. Не потому, что не хотела помощи. После разговора с Ингой слово «помощь» меня настораживало.

— Хорошо, — ответил Матвей.

И не спросил три раза, уверена ли я.

Возле моей мастерской он вынес рулон и поставил у двери.

— Название фильма пришлите.

— Вы же можете потом пожалеть.

— Меня предупредили.

Я сказала спасибо, взяла рулон и поднялась к себе. Ася ушла в магазин, на ее столе осталась раскрытая книга с новым корешком. В комнате было так тихо, что я услышала, как внизу закрылась дверь.

Матвей уехал не сразу. Я посмотрела в окно. Он стоял возле машины и разговаривал по телефону. Лицо отсюда было не разобрать, зато я видела, как он переставил коробку с одного места на другое, чтобы она никому не мешала.

Сообщение Инги пришло, когда я распаковывала образцы.

«Как пообщались?»

Я набрала: «Крепления подобрали. Образец работает».

Она ответила: «Я не только про образец».

Я положила телефон и занялась лентами. Через минуту взяла снова, нашла название фильма и отправила Матвею.

Он прислал в ответ фотографию карандаша. Тот, с обкусанным ластиком, все еще лежал у меня в сумке, а на снимке был новый, еще не заточенный.

«Потери восполнены», — написал он.

Я засмеялась вслух.

Потом заметила, что ответить Инге так и не смогла.

Глава 5. Третье место

Вечером на площадке было холоднее, чем утром у меня в мастерской. Я вошла с пакетом покрытий, остановилась возле двери и не сразу сняла пальто.

— Отопление обиделось? — спросила я.

Инга выглянула из маленькой кухни.

— Проветривали после покраски. Сейчас согреется. Я тебе чай сделаю.

На «ты» мы перешли в сообщениях. В какой именно момент, я потом не смогла вспомнить. Инга однажды написала «возьмешь образец?», и отвечать на это официальным обращением показалось нарочитым. Теперь ее «тебе» звучало так, будто мы давно вместе решаем личные и рабочие вопросы.

Матвей стоял возле скамьи, приложив к основанию длинную рейку. Увидел меня, убрал инструмент.

— Приехал окончательный суд.

— Предварительный. Окончательный будет, когда администратор скажет, что все удобно снимается.

— Тогда пусть придет сейчас.

— Ольга на другом объекте, — ответила Инга с кухни. — Завтра покажу ей видео. Как пройдет ваш суд, так и снимем.

Я расстелила чистое покрывало на полу и выложила готовые детали. Серый материал в этом свете казался теплее,

чем в магазине. Матвей присел рядом, не наступая на ткань, и подал нужный угол раньше, чем я попросила.

Чехлы для трех первых секций должны были выглядеть одинаково. Первый сел хорошо, второй потребовал небольшого сдвига, а на третьем выяснилось, что угол на чертеже не соответствует реальному.

— Здесь стена уходит, — сказала я.

— Да. Я учел.

— А мне не сказал.

Он посмотрел на торец.

— На плане есть размер.

— Размер есть. Что угол другой — нет.

Мы оба помолчали над этой разницей. Инга поставила чай на подоконник.

— Переделать можно?

— Можно, — ответила я. — Сначала посмотрю, сколько съест поворот.

Матвей принес бумажную полосу. Мы приложили ее к стене, сняли шаблон угла, и я временно подвернула ткань. Он не повторил, что размер был. Я не сказала, что поэтому нужно присылать нормальный план. Через десять минут стало понятно, как исправить все без нового полотна.

— У меня к вам предложение, — сказала я. — Любые сюрпризы в стенах теперь присылайте отдельным сообщением.

— С фотографией?

— С предупреждением заглавными буквами.

Матвей кивнул.

— Сделаю.

Инга наблюдала за нами, опершись бедром о подоконник. Чай она приготовила всем троим, но сама не пила. Ее телефон несколько раз засветился; она отвечала коротко, не уходя из разговора.

Потом приехал курьер с едой. Я решила, что сейчас мы быстро перекусим и продолжим, но Инга разложила контейнеры для монтажников, себе оставила только небольшой.

— У меня встреча в семь. Вы как, закончите без меня?

Я посмотрела на часы. До семи оставалось сорок минут.

— Мы еще минут двадцать с этой секцией, потом окна.

— Отлично. Возле кухни выключатель другой, я подпишу. И не закрывайте внутреннюю дверь, там не везде ручки стоят.

Она говорила то же, что говорила бы при любых подрядчиках. Собрала сумку, отнесла пакеты с едой в соседнюю комнату, уточнила у Матвея, когда заберут остатки упаковки.

— Завтра утром, — ответил он.

— Только не позже десяти. В одиннадцать у меня фотограф.

— Заберем в девять.

Инга обернулась ко мне.

— Если проголодаетесь, я столик забронировала через до-

рогу. На двоих. Здесь можно оставить вещи, потом зайдете.

Я была на корточках и держала последний угол. Очень неудобное положение для того, чтобы сделать вид, будто ничего не поняла.

— Спасибо, — сказал Матвей.

Она улыбнулась ему, потом мне.

— Я напишу, как приеду.

Дверь за ней закрылась. Я еще несколько секунд разглаживала ткань, которая уже давно лежала ровно.

— Подержать? — спросил Матвей.

— Не надо, все.

Я встала слишком быстро, голова на секунду закружилась. Он протянул руку, чтобы я могла придержаться, но не схватил меня за локоть. Раньше я бы не заметила такой мелочи. Теперь ловила себя на том, что запоминаю каждый хороший жест.

На окнах мы задержались дольше. Чтобы точно увидеть нижнюю линию, пришлось отодвинуть столы. Матвей подложил под ножки старое покрывало и передвигал столы по одному, а я придерживала их. В центре зала остался светлый прямоугольник пола.

— Восемь лет выбирал бы сюда стол, — сказал он.

— Почему восемь?

— Примерно столько Инга смотрит фотографии похожих мест.

— А вы?

— Я смотрю, где можно хранить лишние стулья.

Я показала на кладовую.

— Здесь шторы еще влезут.

— Если не складывать на стулья.

— Вы удивительно быстро учитесь.

Когда я сняла временные крепления, руки у меня дрожали от обычной усталости. Хотелось горячего супа, чистого стола и не отвечать больше ни за один край. Матвей заметил, что я третий раз пытаюсь попасть булавкой в подушечку.

— Давайте останется на завтра.

— Если уйду с этим в голове, завтра начну с того же.

— Тогда еще пять минут. Потом перестану держать.

Я посмотрела на него.

— Шантаж подрядчика.

— У него рабочий день кончился.

В его голосе не было снисхождения. Он тоже устал, просто позволял себе назвать это. Мы закончили за четыре минуты. Я сняла последнюю булавку и с облегчением сложила все в пакет.

— Пойдемте есть? — спросил Матвей.

Я могла сослаться на дела. Вернуться в мастерскую, разогреть что-нибудь, сообщить Инге, что возможности не представилось. Но мне хотелось продолжить вечер. Именно мне. Из-за этого отказывать было бы одновременно честнее и обиднее.

— Пойдемте.

В кафе нас посадили у окна. На столе стояла карточка «Забронировано», которую официант унес, едва мы сели. Матвей подвинул мой стул, потом проверил свой и едва заметно поморщился.

— Чек еще не принесли, — напомнила я.

Он понял и рассмеялся.

Я заказала суп. Он взял горячее и, подумав, добавил салат. Спросил, не холодно ли мне у окна. Я сказала, что нет. Еще пятнадцать минут назад на площадке я была в пальто, а здесь наконец согрелась. Не нужно было ни жаловаться на холод, ни делать вид, что мне удобно его терпеть.

— Давно одна работаете? — спросил он.

— Почти год. В мастерской мы вдвоем, но у нас разные дела.

— А раньше?

Я рассказала про фирму. Коротко, без полной истории о том, как принимала решение уйти. Он уточнил, какие заказы нравятся больше. Я начала объяснять про пространства, которые можно менять, и поймала себя на том, что рассказываю слишком подробно.

— Скажите, если я увлекусь.

— Уже увлеклись.

Я замолчала.

Матвей поднял глаза от моей салфетки, на которой я рисовала перегородку.

— Я не просил останавливаться.

Пришлось опустить взгляд. К счастью, принесли суп.

Он рассказал, как начал мастерскую с нескольких заказов на простые полки и со временем перестал понимать, почему любую простую полку сначала нужно три дня согласовывать. У него было двое работников, маленькое помещение и список того, что однажды хотелось купить. Ни о чем из этого он не говорил с тем особенным нажимом, с которым иногда сообщают женщине, что умеют обеспечивать.

— А зачем тогда стали делать на заказ? — спросила я.

— Нравится, когда человек начинает пользоваться вещью. До этого она у тебя неделю стоит, и ты видишь все, что мог сделать иначе. Потом кому-то удобно. Немного успокаивает.

Я понимала это слишком хорошо.

Разговор ушел к клиентам. Мы не называли имен, вспоминали странные просьбы и смеялись. Матвей рассказал, как однажды сделал шкаф по размеру коробки, в которой человек хранил елочные игрушки. Я — о скатерти, которую попросили оставить «достаточно светлой, но чтобы пятна не отличались».

— И что вы ответили?

— Предложила подобрать цвет под пятна.

— Заказ состоялся?

— Сначала нет. Потом человек перезвонил.

Он смеялся негромко, чуть опуская голову. У него в углу глаза появлялась складка, которую на площадке я не видела. Мне захотелось сказать что-нибудь еще смешное, и я вовре-

мя остановилась. Это желание не нужно было оплачивать.

Телефон у меня на столе загорелся.

Инга: «Доехала. Дальше сами».

Я накрыла экран ладонью.

— Срочное? — спросил Матвей.

— Нет.

Он кивнул и продолжил рассказывать про шкаф. А я видела столик, выбранный не нами, свободный вечер, оставленный не случайно, и его лицо напротив. Только лицо не было частью Ингиного расписания. Он сам решал, о чем говорить, что заказать, почему задержаться.

Мне захотелось убрать телефон в сумку так далеко, чтобы заодно исчезло сообщение.

Когда принесли счет, я предложила разделить. Матвей спорить не стал, только показал в счете, что заказывал сам.

— За суп с вас. За лекцию о пятнах доплата не нужна.

Я улыбнулась, заплатила, и от этого вечер стал еще больше похож на обычный.

На улице было темно. Мы вернулись на площадку за вещами. Матвей включил свет в нужной части зала, помог мне упаковать рулон. Я проверила, не осталось ли булавок на полу.

— Вам ткань когда привезут? — спросил он.

— В субботу нужно забрать. Если цвет подойдет.

— Там свет нормальный?

— На складе не очень. Придется нести к выходу.

— Я в тот день буду в той стороне. Могу помочь. Только давайте сначала при дневном свете цвет проверим.

Он предложил это сам, когда уже мог просто сказать до свидания. Инга не назначала нам следующий ужин. Во всяком случае, я Инге о ней еще не писала.

— Хорошо, — ответила я. — Напишу время.

Он закрыл входную дверь, проверил ручку. Мы постояли у ступенек, решая, кто в какую сторону идет.

— Ника, — сказал он, — давайте уже на «ты». Мы полвечера чужие пятна обсуждали.

— Давай.

Я произнесла это с неожиданным облегчением. У нас появилось что-то, о чем Ингу не спрашивали.

Дома я достала из сумки телефон. От нее было еще одно сообщение: «Все нормально?»

Я ответила, что поели и закончили примерку.

Потом открыла контакт Матвея, чтобы написать про склад. Набрала время, адрес и остановилась над последней фразой. Очень хотелось добавить что-нибудь, что не относилось к работе.

Я добавила: «Шкаф под игрушки все-таки хорошая идея».

Он ответил через минуту: «Особенно когда игрушки хорошие».

Я положила телефон на стол и поймала себя на том, что улыбаюсь уже без зрителя.

Глава 6. Откуда ты знаешь

На складе ткань выглядела зеленой. Я отступила на шаг, потом подошла к ней почти вплотную и наконец попросила выключить ближайшую лампу.

Девушка за стойкой посмотрела на потолок так, будто я предложила выключить солнце.

— Они все вместе.

— Тогда можно к выходу отнести?

— Только не выносить на улицу.

Матвей подхватил край рулона.

— Мы на границе остановимся.

Девушка с тревогой пошла за нами. Я сняла с плеча сумку, достала образец, приложила к большому отрезу. На полосе дневного света зеленый почти исчез, но не до конца.

— Другая партия, — сказала я.

— Артикул тот же.

— Я знаю. Поэтому и приехала смотреть.

Она предложила позвать старшего. Я согласилась и сразу почувствовала себя сложным человеком, из-за которого у людей портится спокойная суббота.

Матвей держал рулон, прислонив его к плечу. На него падала пыльная полоса света. Я хотела попросить поставить все обратно, дождаться старшего, не таскать зря, но он слегка развернул ткань.

— Здесь лучше видно?

— Да.

Он не сказал, что разницы не замечает.

Старший тоже увидел разницу, но назвал ее «допустимой». Мы сравнили еще два отреза, открыли накладную и нашли возможность забрать нужную партию через несколько дней. Я попросила подтвердить резерв письмом. Он вздохнул, но отправил.

В машину Матвей в итоге отнес только небольшой пакет.

— Не очень продуктивно покатались.

— Очень, — сказала я. — Если бы нам это привезли, пришлось бы потом возвращать.

— Я про вес добычи.

— Это самая приятная часть. Я разочарована, а сумка легкая.

Он улыбнулся, и я поняла, что почти час думала о материале, а не о том, как сижу, что говорю и достаточно ли ему интересно. От этого сразу стало легче.

Мы решили выпить кофе в маленькой пекарне возле склада. Он спросил, чего я хочу, и я выбрала булочку с луком. Раньше на встречах с мужчинами я старалась заказывать то, что легче есть красиво. Сейчас в бумажном пакете уже лежала вторая такая же, для Аси.

Матвей посмотрел на пакет.

— Правильный запас.

— Это соседке по мастерской. Она иногда забывает по-

обедать.

— А ты?

— Я помню. Но забываю заранее что-нибудь купить.

Он кивнул с таким пониманием, что мне захотелось спросить, как это устроено у них с Ингой. Я не спросила. Мы с Ингой договорились, что я не буду выманивать личное. Было бы очень удобно теперь объявить любое любопытство естественным, но оно от этого не переставало быть любопытством к их браку.

За окном стояло низкое здание с потемневшими афишными рамками. Я вспомнила Ингино сообщение, которое она прислала накануне между уточнением креплений и номером фотографа: когда-то Матвей постоянно ездил в старый кинотеатр. Написала даже, куда ему удобнее садиться.

— Ты ведь часто туда ходил? — спросила я.

Он повернулся к окну.

— В кино?

— Да.

— Ходил. Когда учился, часто.

Я хотела сказать про последние ряды и вовремя остановилась.

Матвей посмотрел на меня.

— А ты откуда знаешь?

Я разломила булочку. Из нее посыпалась начинка.

— Инга говорила.

— Когда?

— Недавно. Про кино зашла речь.

Он помолчал. Я ждала продолжения, но он только подвинул мне салфетку.

— Давно там не был. Даже не знаю, что сейчас внутри.

Мне стало жарко. История могла закончиться простой общей темой, но теперь я видела, как со стороны выглядит женщина, которая второй раз за неделю открывает чужую память подходящим словом. Человеку напротив вовсе не обязательно считать это судьбой. Он может просто спросить: кто тебе рассказал?

— Я не сама догадалась, — добавила я.

— Я понял.

В его голосе не было подозрения, которое я могла бы уверенно распознать. Может быть, он вообще больше думал о здании за стеклом. Я не знала и боялась спросить, почему он так на меня посмотрел.

Мы допили кофе. Матвей рассказал, что однажды пришел туда на последний сеанс и оказался единственным в зале. Билет ему продали, свет выключили, а на середине фильма пришла сотрудница и спросила, не хочет ли он уйти, потому что всем домой далеко.

— Ушел?

— Нет. Сказал, что тоже далеко. Потом проводил ее до остановки. Она всю дорогу объясняла, чем кончился бы фильм, если бы я согласился.

Я засмеялась.

— То есть после этого в хорошую фантастику ты уже не верил.

— После этого научился досматривать.

Мы долго не могли уйти из-за бумажного стаканчика, который протек в самом неожиданном месте. Он пытался донести его до урны, я подавала салфетки и смеялась сильнее, чем заслуживала эта небольшая неудача. На улице пришлось остановиться, потому что он тоже не мог больше держать серьезное лицо.

Я увидела его руку совсем близко, когда забирала мокрые салфетки. На пальце по-прежнему было кольцо. Оно не изменилось от того, что нам стало весело.

В машине он предложил заехать к поставщику и забрать одну деталь, если я не тороплюсь. Я согласилась. Потом ему позвонили.

— Да, помню. В два. Нет, выезжай спокойно, я буду.

Он положил телефон.

— Не успеем к поставщику. Вадиму нужно уехать, я обещал подменить. Сначала отвезу тебя.

Разочарование было мгновенным и совершенно детским. Я уже представила остаток дня: еще одна поездка, разговор, может быть, что-то смешное по дороге. Теперь этого не будет, потому что он обещал подменить другого человека.

— Можно было бы позже? — спросила я и сразу услышала себя.

— У него поезд.

— Понятно.

Матвей повернул ко мне голову.

— Тебе куда-то надо успеть?

— Нет. Я не про это. Не надо, все нормально.

Он не стал угадывать. Включил поворотник, и мы поехали к моей мастерской. Я смотрела на улицу и думала о том, что мне нравится его надежность только до тех пор, пока она не мешает моим желаниям. Очень полезное открытие для человека, который никого не собирался оценивать.

У двери он помог выгрузить сумку.

— Когда резерв заберешь, дай знать. Посмотрим образец уже на месте.

— Хорошо. Спасибо за сегодня.

— Я почти ничего не сделал.

— Рулон держал.

— Это моя специализация.

Он уехал. Я некоторое время стояла с пакетом, пока снизу не поднялся человек с коробкой и не попросил пропустить.

Ася доедала йогурт прямо из стаканчика.

— Я принесла обед.

Она посмотрела на пакет.

— По одной булке на прием пищи? Уже лучше, чем вчера.

Мы поставили чайник. Я рассказала про склад и про партию, которая уплыла в зеленый. Ася возмутилась в нужных местах, попросила посмотреть фотографии и сказала, что на снимке вообще ничего не понятно.

— Там и глазами не всем понятно.

— Это потому, что ты различаешь оттенки, которые нормальные люди еще не придумали.

Я показала ей второй снимок, сделанный на складе у открытой двери. Матвей попал в кадр краем плеча. На рукаве лежала складка ткани, которую он держал.

— Это мебельщик?

— Да.

— Хороший?

Я подняла глаза.

— По работе. Не делай такое лицо.

— Хороший, — ответила я.

Она взяла булочку, перестала задавать вопросы, и мне стало одновременно легче и хуже от того, как мало я могла ей рассказать.

Инга позвонила после обеда. Сперва спросила про ткань. Я подробно объяснила, почему отказалась забирать и когда обещали нужное.

— Спасибо, что проверила. Я на фотографиях уже ничего не различаю.

— Ася тоже сказала.

— Вы поехали вместе?

— С Матвеем? Да.

— И как он?

— Нормально. Уехал подменить сотрудника.

Инга вздохнула.

— Вадима. Я так и подумала.

— Он обещал.

— Он всем обещает.

Она сказала это без резкости, как человек, который много раз уже заканчивал ту же фразу. Я молчала.

— Вам было о чем поговорить? — спросила она.

— Было.

— Он что-нибудь рассказывал про себя?

Я посмотрела на фотографию с образцом. Его плечо, чужая рука, которая помогла мне проверить цвет. Мне не хотелось превращать утро в несколько показателей, которые можно будет считать удачей.

— Мы нормально общались, Инга.

— Я поняла. Просто хочу знать, все ли идет хорошо.

— Что именно идет?

Пауза на другом конце стала неприятной.

— Не сердись. Я же не требую подробностей.

— Тогда подробностей не будет.

Я произнесла это спокойнее, чем чувствовала. Инга ответила «хорошо» и вернулась к рабочему графику. Мы уточнили время следующей встречи и попрощались почти обычно.

После звонка я записала новый срок поставки на ленте и приклеила ее к рулону макетной ткани. Потом достала из сумки бумажный пакет. Внутри осталась маленькая салфетка из пекарни. На ней была синяя точка, которую я поставила ручкой, объясняя Матвею, где ткань зеленит.

Я хотела выбросить ее вместе с пакетом, но отложила в сторону.

Никакой ценности в салфетке не было. Обычная бумага, в которую мог завернуть остаток булочки любой человек. Я положила ее возле образцов и занялась работой.

К вечеру Матвей написал: «Вадим успел. Привет передавал человеку, который заставил его считать час на секцию».

Я ответила: «Пусть не сердится. Ему тоже нужно платить за это время».

«Не сердится. Уже объяснил мне, что мы недосчитали еще полчаса».

Я улыбнулась.

Снизу хлопнула дверь, из коридора потянуло холодом. Ася закрыла окно и спросила, включать ли нам вечером еще одну лампу. Я подняла голову и увидела, что совсем стемнело.

Утро на складе давно закончилось. Но мне все еще хотелось снова оказаться там, где человек держал для меня тяжелую ткань и спрашивал, достаточно ли света.

Глава 7. Благодарность за ужином

У Инги в прихожей стояли две пары домашних тапочек для гостей и коробка, которую невозможно было обойти, не прижавшись к вешалке.

— Осторожно, — сказала она. — Это таблички для площадки. Матвей вечером отвезет.

Я сняла пальто, повесила сумку с образцами так, чтобы не задеть чужую куртку. Из кухни пахло печеным луком.

Мы должны были встретиться в «Смене», но туда приехали проверять проводку, и Инга предложила перенести согласование домой. Я пообещала себе не рассматривать квартиру. Только пройти к столу и заняться делом.

Обещание продержалось до кухни.

На холодильнике висели фотографии без рамок, прижатые разными магнитами. Возле окна стояли два одинаковых горшка и один совсем другой, с отбитым краем. На спинке стула лежал темный свитер. Матвей убрал его и поставил передо мной чашку.

— Здесь удобно?

— Да. Только мне нужно будет у окна разложить.

Он молча освободил подоконник от стопки журналов. Инга достала из духовки форму, положила прихватку у раковины.

— Мы сейчас быстро. Еда уже готова, потом просто по-

ужинаем.

Я хотела сказать, что не обязательно меня кормить, но Матвей уже ставил третью тарелку. Все выглядело как обычный вечер людей, которым удобно принять коллегу дома. Я была этой коллегой и знала, что удобство здесь не единственное основание.

Инга разложила образцы, встала рядом со мной. На первом мы сошлись сразу. Второй ей показался слишком спокойным.

— В этом свете да, — ответила я. — Вечером на площадке он теплый. Я фотографировала, но на снимках хуже.

Матвей принес переносную лампу. Мы попробовали при другом освещении. Инга отошла к двери, посмотрела издалека.

— Уже лучше. Давай его. Ты отметишь, какой именно?

Я приколола бумажную ленту с номером и датой. Она хотела запомнить просто словами «тот, который светлее», я настояла на маркировке. Матвей смотрел на мой почерк.

— Ты сама потом разбираешь?

— Там все понятно.

— Сейчас да. А через месяц этот знак может оказаться и тройкой, и половиной восьмерки.

— Это буква «з».

Он помолчал.

— Тогда я особенно рад, что не буду закупать.

Инга рассмеялась. Я переписала ленту печатными бук-

вами. Ничего торжественного не произошло, только на несколько секунд мы все трое были людьми за одним рабочим столом.

Потом у Инги зазвонил телефон. Она посмотрела на экран, отключила звук.

— Давайте поедим, пока есть время. Ника, тебе рыбу или курицу? Матвею рыбу не надо, он потом все равно будет бутерброд искать.

Матвей поднял голову.

— Я могу и рыбу.

— Ты же не любишь.

— Я одну не люблю. Которую постоянно привозили в том кафе.

Инга задержала руку над формой.

— Хорошо. Тогда клади сам.

Ничего страшного. Миллионы людей каждый вечер говорят друг другу что-нибудь похожее. Я даже не смогла бы решить, кто тут обиделся. А ведь она объясняла мне его вкусы с такой уверенностью, что я чуть не выучила их как размеры окна.

Он положил себе рыбу, а затем спросил, что положить мне. Я выбрала курицу. Инга налила нам чай и, не глядя, пододвинула к нему миску с нарезанными овощами. Он подал ей салфетку, когда у нее на пальце остался соус. Она машинально взяла.

Было бы гораздо легче, если бы они сидели по разным

концам стола и не замечали друг друга. Даже легче, если бы ругались. Тогда я смогла бы сказать себе, что пришла туда, где уже давно пусто. Но пусто не было. Вещи стояли на привычных местах, движения совпадали, чай она налила ему до того, как он потянулся к чайнику.

— Ты стул смотрел? — спросила Инга.

— В спальне? Сделал.

— Спасибо. Я вчера на него сумку положила, он больше не скрипит.

— Там крепление разошлось.

— Я бы без тебя все это не вывезла, — сказала она.

Фраза прозвучала негромко, почти между делом. Матвей посмотрел на нее.

— Стул?

— Не только стул. Все.

Он положил вилку, но она уже спросила, забрал ли он упаковку с площадки. Он ответил, что забрали утром. Инга открыла телефон, поставила отметку в списке.

Я жевала слишком медленно. Не знала, куда деть глаза, и стала смотреть на круг от чашки на столе. На фотографии у холодильника оба стояли возле какого-то водоема в куртках с капюшонами. Изображение было маленьким, однако увидеть, что они там смеются, я могла.

— У меня заказ новый намечается, — сказал Матвей. — Столы для небольшого рабочего пространства. Там интересно придумали, одна комната на все.

— Замечательно. Когда им нужно?

— Не срочно. Я хотел сначала показать, как они планируют...

Телефон Инги снова зазвонил. Она подняла ладонь, извиняясь.

— Сейчас. Это по завтрашней съемке. Потом покажешь, хорошо?

Она вышла в коридор. Матвей отломил кусочек хлеба, положил на тарелку и какое-то время не трогал.

— Покажешь? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Если интересно.

— Интересно. Там перегородки нужны?

— По-моему, да. Но я сейчас не про работу для тебя.

— Я тоже не совсем. Просто спросила первое, что понимаю.

Он улыбнулся и достал телефон. На экране был план с подписями, сделанными разными людьми. Мы успели обсудить только половину, когда Инга вернулась. Она выглядела усталой, прижала пальцы к переносице.

— У них сломалась машина. Все, что должно было приехать сегодня, будет завтра. А завтра уже фотограф.

Матвей развернул к ней голову.

— Что везут?

— Не твое. Декор и половину посуды.

— Можно забрать самим?

— Бесполезно. У них еще и часть заказа не готова.

Она села и начала писать кому-то сообщение. Матвей положил телефон с планом экраном вниз. Я видела этот маленький жест и хотела отвернуться, потому что теперь слишком многое замечала в чужом доме.

— Давайте вернемся к последнему окну, — сказала я. — И я вас освобожу.

Мы проверили длину. Инга хотела добавить немного запаса, я объяснила, как он ляжет на полу и кто потом будет наступать на край. Она согласилась с исходным размером. Матвей сделал фотографии подписанных образцов, отправил себе в рабочую папку.

— Все? — спросила Инга.

— По цвету все. На монтаже уже только примерка.

Она с облегчением отодвинула бумаги и встала собирать тарелки. Матвей поднялся следом. Они двигались по кухне без столкновений, каждый заранее освобождал место другому. Я взяла свою чашку и понесла к раковине.

— Оставь, — сказала Инга. — Ты же в гостях.

— Она сама уже идет, — ответила я.

Матвей принял у меня чашку. На секунду его пальцы коснулись моих, и я немедленно отступила к сумке. Перед глазами все еще были их движения на кухне. Меня нельзя было назвать случайным гостем, которому понравился хозяин. Я пришла с поручением, о котором он не знал.

В прихожей Инга снова разговаривала по телефону. При-

жимала трубку плечом и одновременно пыталась показать Матвею на коробку с табличками.

— Я возьму, — сказал он.

— Там не все, потом еще довезут.

— Понял.

Она поцеловала его в щеку на прощание так просто, что я не успела приготовиться это увидеть.

Мы спустились вместе. Матвей нес коробку, я — сумку с образцами. Во дворе стояла детская коляска, мужчина возле нее пытался натянуть дождевой чехол. Матвей остановился, пропуская их к подъезду, и поставил коробку на лавку.

— Тяжело? — спросила я.

— Громоздко. До машины донесу.

Он посмотрел на мою сумку.

— А у тебя?

— Бумага и ткань.

— Обычно в такой сумке через полчаса обнаруживается кирпич.

Я улыбнулась, но сразу говорить дальше не получилось. Он заметил.

— Не понравилось что-то?

— Нет. Я просто думала.

— Про цвет? Если Инга снова передумает, я могу поставить другой свет и показать.

— Про то, как вы все успеваете.

Я сказала первое, что было достаточно близко к правде.

Матвей поставил коробку в багажник, расправил под ней покрывало.

— Не все успеваем.

Он не закрыл дверцу сразу. Постоял, глядя на таблички через прозрачную крышку.

— Она раньше мне звонила с какой-нибудь ерундой, — сказал он. — Увидела собаку смешную. Или человек рядом в автобусе читал книгу не той стороной. Оказывалось, просто обложка надета наоборот. Что-то такое.

Я молчала.

— Сейчас тоже звонит. Но всегда нужно что-нибудь решить.

— У нее много работы.

— Да. У меня тоже.

Он наконец закрыл багажник.

— Мы раньше больше разговаривали. Теперь все время сверяемся. Съездил, забрал, оплатил. Если спросить, все ли нормально, вроде нормально. Список почти закончился.

В его голосе слышалось скорее недоумение, чем обида. Мне стало неловко от того, что я оказалась человеком, которому он это сказал, и захотелось одновременно слушать дальше.

— Ты ей говорил? — спросила я.

— Пробовал. Наверное, сам не очень понятно. У меня обычно получается, что нам надо отдохнуть. Мы планируем выходные, потом в них приезжает доставка.

Он чуть улыбнулся. Я не стала.

— Может быть, она не понимает, что ты про разговор, а не про отдых.

— Может быть.

Он посмотрел на меня и будто вспомнил, сколько всего я могла знать об их жизни.

— Извини. Мы всего второй раз вместе ужинаем, а я уже жалуюсь.

— Не жалуешься.

Ответ получился слишком быстрым. Я действительно так думала. Но доказывать, что понимаю его лучше Инги, не хотела.

— Мне пора, — добавила я.

— Подвезти?

— Я пешком. Хочу немного пройти.

Он кивнул, помог мне перехватить сумку удобнее и сел в машину. Я отошла от дома, повернулась на углу. В одном из окон горел свет, но угадать, их ли это кухня, отсюда не получилось.

Инга написала, когда я была на полпути: «Успели все согласовать. Спасибо, что приехала».

Я могла ответить, что еще мы успели поговорить у машины. Что ее муж помнит, как она звонила ему из автобуса. Она, возможно, даже обрадовалась бы: наконец он стал открываться, все идет хорошо. Мне сделалось неприятно от того, как легко чужой вечер снова мог стать полезной инфор-

мацией.

Я написала только про образцы и сроки. Убрала телефон.

Что-то в сумке уперлось мне в локоть. Я остановилась поправить ее и увидела край обкусанного карандаша в боковом кармане. Я все еще не вернула его. Несла с собой маленькую чужую вещь, которой он уже нашел замену.

Мне захотелось вернуться, подняться по лестнице и отдать. Хотя бы карандаш.

Я не вернулась.

Глава 8. Смех на пробной рассадке

Первого мая я узнала, что люди в помещении занимают гораздо больше места, чем их условные обозначения.

Инга пригласила на пробную рассадку двенадцать человек: сотрудников, знакомых, будущих участников первой лекции. Все соглашались прийти ненадолго. Все принесли сумки, куртки, пакеты и человеческие ноги. Последние на нашем красивом плане отсутствовали вовсе.

Я натягивала покрытие на угловую секцию, когда Ольга поставила возле меня стул.

— Сядьте.

— Сейчас не могу.

— Тогда он сядет.

Она показала на широкоплечего мужчину с папкой под мышкой. Я отступила, он протиснулся между столом и перегородкой, сел и обнаружил, что выйти обратно, не развернув стул поперек, не получится.

— Если лекция хорошая, можно и остаться, — сказал он.

Я взялась за спинку.

— Встаньте, пожалуйста. Попробуем еще раз.

Матвей появился со второго конца зала, посмотрел на мужчину, на меня и на стол. Лицо у него стало таким, будто кто-то прислал очень убедительный чертеж неправильного шкафа.

— Здесь же был проход.

— На пустых стульях был, — ответила я.

Мужчина поднялся. Мы отодвинули стол, вернули стул, предложили сесть снова. Теперь он сел хорошо, зато за его спиной не могла пройти женщина с сумкой. Она остановилась, ждала, пока мы догадаемся, потом подняла сумку над головой.

— Я все время так могу, но к концу вечера рука устанет.

— Не надо, — сказала я. — У нас не спортивная площадка.

Ольга забрала у нее сумку и дала мне. Очень полезный предмет, если тебе нужно увидеть цену собственного расчета.

Матвей достал рулетку. Я развернула план на ближайшем свободном столе. На нем уже стояли два стакана воды и чья-то косметичка. Пришлось все отодвинуть. Матвей прижал угол ладонью.

— Здесь семьдесят восемь.

— Я проверяла по твоей секции.

— А я ставил ее по твоей линии.

Мы посмотрели друг на друга. Круг замкнулся. Назначить одного виноватого не получалось.

— Отличная система, — сказала я. — Можно брать деньги за независимое подтверждение ошибок.

Он опустил голову и коротко засмеялся. Я тоже, но сразу обернулась к ожидающим людям.

— Нам нужно минут десять. Пока можно посмотреть вторую часть зала.

Ольга увела группу к окнам, объявив, что там стулья пока никого не держат в плену. Инга в это время разговаривала у входа с человеком, привезшим световое оборудование. Тот разводил руками над коробкой. Я услышала конец фразы: «В другом цвете у нас только такие».

— Цвет вы согласовали письмом, — ответила она. — Откройте, пожалуйста, переписку. Сначала проверим, потом будем решать, что у вас есть.

Матвей помог мне снять покрытие с короткой секции. Мы оттащили ее от стены, повернули. Теперь стало видно, где я съела расстояние: на бумаге я проверила только зазор у края ткани, а в жизни здесь должны были разойтись два человека. Матвей добавил свое: он сдвинул секцию, чтобы аккуратно совместить со швом на стене, и не сообщил мне о последних сантиметрах.

— Очень аккуратный шов, — сказала я. — Удобно застревать с чувством прекрасного.

— Зато застрявший сможет его рассмотреть.

Я попыталась надеть покрытие с другой стороны. Оно подошло, только свободный край требовал новой фиксации. Запас, который мы оставили после апрельской примерки, внезапно оказался полезен.

Мы поменяли местами короткую секцию и отдельный стул, сдвинули стол так, чтобы сохранялся прямой проход.

Матвей отмерял, я крепила, потом он сел сам. Изображал гостя с пакетом, подняв коробку фурнитуры. Встать у него получилось. Обойти спинку — тоже. Я пошла следом, зацепила сумкой свой же временный зажим, остановилась.

— Еще один независимый эксперт, — сказал он.

— Очень дорогой. Требует убрать зажимы.

Он присел рядом. Мы одновременно потянулись к одной детали и столкнулись лбами. Несильно, но достаточно, чтобы на секунду стало тихо.

— Жива? — спросил он.

— Нет. Подпиши мне авторство на надгробии.

Матвей откинулся назад и потер лоб. Я смеялась так, что пришлось сесть прямо на еще не готовую секцию. Ольга издалека спросила, звать ли помощь. Я махнула рукой.

Когда смогла поднять голову, увидела Ингу. Она стояла возле дверей, прижав к боку планшет. Поставщик ушел к машине, коробки остались у стены. Инга смотрела на нас и не улыбалась. Потом заметила мой взгляд, подошла.

— Решили?

— Сейчас проверим с человеком, который не делал эту рассадку, — ответил Матвей.

Она кивнула и позвала того мужчину с папкой. Он еще раз сел, подвигал ногами, поднялся. Женщина прошла с сумкой, на этот раз опустив ее. Ольга протиснулась с подносом. Мы дождались всех трех испытаний.

— Вот теперь хорошо, — сказала Инга. — Сфотографи-

руйте итог. Чтобы случайно не вернули по старой схеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.